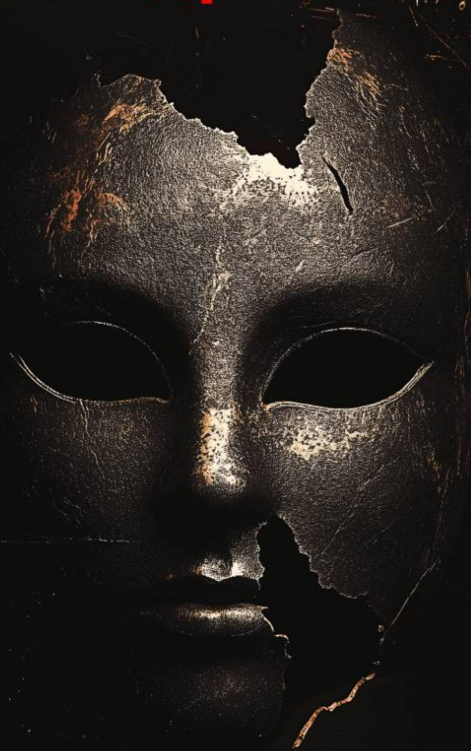

Александр Восьмой

Книга 9. «Даффи и Стол, Накрытый впотьмах»

18+

Александр Восьмой

Книга 9. «Даффи и Стол, Накрытый впотьмах»

<https://litres.ru/74438638>

SelfPub; 2026

Аннотация

Толстяк нашёл в подполе старого дома стол, накрытый на тринадцать персон. Тарелки, кубки, ложки — всё старинное, пыльное, нетронутое. Еда на тарелках — свежая. Пар идёт. Даффи сел. Попробовал. Вкусно. Отошёл — еда остыла, пар исчез. Сел снова — пар пошёл. Так повторялось, пока Даффи не понял: еда свежая, пока кто-то сидит за столом. Двенадцать стульев пусты, но за каждым кто-то есть — его просто не видно в темноте. И каждый ждёт, пока Даффи встанет. Тогда они начнут есть сами. И тогда Даффи станет тринадцатым блюдом.

Александр Восьмой

Книга 9. «Даффи и Стол, Накрытый впотьмах»

Глава 1. Подпол

Даффи Толстяк спустился за зимними припасами — и замер на последней ступеньке. В подполе старого дома, купленного за бесценок у вдовы из Наумовки, воздух был густым, будто пропитанным забытым временем. Пахло сырой древесиной, пылью и чем-то сладким, неестественно сладким.

Посреди темноты стоял дубовый стол на тринадцать персон. Серебро потускнело, скатерть истлела по краям, но еда — рисовая каша, пироги, студень — дышала паром. Пар клубился, словно живой, и не рассеивался.

Даффи шагнул вперёд, не в силах отвести взгляд. Он сел на ближайший стул. Ложка сама легла в руку, будто её кто-то подал. Он зачерпнул кашу — тёплая, душистая, с пряным оттенком, какого он никогда не пробовал. И стоило ему поднести ложку ко рту, как пар над тарелками стал гуще, ярче, будто стол радовался, что его наконец-то заметили.

Он съел ещё ложку, потом ещё. Еда была такой вкусной, что хотелось забыть обо всём на свете. Но стоило Даффи отодвинуться от стола, как пар мгновенно растаял, а блюда по-

крылись тонкой седой плёнкой, словно пролежали здесь сто лет. Каша застыла, пироги окаменели, студень посерел.

Сердце забилося где-то в горле. Даффи снова сел. И снова пар поднялся над тарелками, еда ожила, задышала, заманила запахом.

Он огляделся. Двенадцать стульев стояли пустыми, но пустота эта была не тихой, а напряжённой, будто каждый из них удерживал чью-то невидимую тяжесть. В темноте за ними шевелилось нечто, чего нельзя было разглядеть, но можно было почувствовать кожей — холодные взгляды, ждущие, терпеливые.

«Они ждут, когда я встану», — вдруг понял Даффи. И в тот же миг ему показалось, что тень на соседнем стуле чуть шевельнулась, будто кто-то поправил невидимую салфетку.

А потом он заметил: на тринадцатом месте, прямо напротив него, тарелки не было. Только тёмное пятно на скатерти, словно кто-то нарочно оставил это место пустым. Или... незанятым лишь до поры.

Даффи сжал кулаки. Ему хотелось закричать, броситься вверх по лестнице, вырваться из этого проклятого подпола. Но ноги будто приросли к полу, а взгляд снова и снова возвращался к еде — такой манящей, такой живой, пока он сидел здесь.

И тогда он услышал тихий, едва уловимый звук — скрежет ложки по фарфору там, где никого не было. Звук, который означал: они уже начали.

Глава 2. Правило тёплой тарелки

Три дня подряд Даффи спускался в подпол, будто шёл на тайное свидание с проклятием. Каждый раз стол встречал его одинаково: пыльная скатерть, потускневшее серебро, двенадцать пустых стульев — и еда, дымящаяся так, словно её только что сняли с печи. Он уже не удивлялся. Он изучал.

Даффи вставал — и мир замирал. Пар таял, будто его и не было, каша покрывалась жёсткой коркой, пироги черствели на глазах, кубок мутнел, словно в нём оседала сама тьма. Он садился — и всё возвращалось: тепло, аромат, жизнь. Стол не кормил просто так. Он требовал присутствия. Платой была неподвижность.

На четвёртый день Даффи решился на испытание. Он встал, но не ушёл к лестнице — остался у края стола, в шаге от стула. И тогда он увидел то, чего раньше не замечал: на пустых тарелках проступили тонкие струйки пара. Не такие, как над его порцией, — холодные, сизые, будто дыхание из другой стороны мира.

Он замер. В тишине подпола раздался тихий звук — лёгкий скрежет, будто кто-то провёл ложкой по краю тарелки там, где никого не было. Даффи медленно повернул голову. На одном из стульев тень легла иначе — не от света лампы, а сама по себе, густая, тяжёлая, будто осевшая на спинку.

«Я не один», — пронеслось в голове, и от этой мысли по спине побежали ледяные мурашки.

Тогда он сделал шаг назад и снова сел. Пар над его тарел-

кой взвился густым облаком, еда вновь стала свежей, горячеей, манящей. Но теперь Даффи видел: на остальных тарелках тоже поднимался пар. Только он был другим — не живым, а мёртвым, холодным, обещающим нечто, чего лучше не знать.

И тут он понял главное: стол не просто ждал, когда он встанет. Стол ждал, когда он устанет сидеть. Потому что, как только Даффи отойдёт окончательно, двенадцать невидимых гостей начнут есть. А тринадцатым блюдом станет он сам.

В этот момент дверь наверху скрипнула. Даффи вскинул голову, сердце забилося так, что заглушило даже тишину подпола. На верхней ступеньке стоял Мужик Оптима, за его плечом маячили Фаргус, Окси, Сиринити и Прима. Их лица были напряжены, глаза полны тревоги.

— Даффи! — крикнул Оптима, спускаясь вниз, не дожидаясь ответа. — Что ты тут делаешь? Мы три дня тебя ищем!

Даффи хотел крикнуть, чтобы они не спускались, чтобы бежали прочь, но слова застряли в горле. Он лишь молча кивнул на стол, на двенадцать стульев, на пар, который теперь тянулся ко всему, чего касался взгляд.

— Не подходите, — наконец выдавил он, голос дрожал, как пламя на сквозняке. — Здесь... здесь есть правило. Пока я сижу — они не едят. А если я встану...

Оптима замер, его взгляд скользнул по столу, по тарелкам, по теням, которые теперь казались не просто игрой света, а чем-то живым, плотным, ожидающим. Он медленно протя-

нул руку и положил её на плечо Даффи.

— Тогда не вставай, — тихо сказал он. — Мы что-нибудь придумаем. Мы здесь. Мы с тобой.

Глава 3. Двенадцать стульев

Тусклый свет фонаря дрожал, будто боялся проникнуть в углы подпола. Тени цеплялись за ножки стола, сползали по стенам и собирались в плотные сгустки у пустых стульев. Даффи медленно обошёл стол, считая шаги, будто от их количества зависела его жизнь.

На двенадцати тарелках пар поднимался неровно: где-то тонкими струйками, где-то густыми клубами, словно невидимые гости дышали над едой. У одного кубка мутнел край, будто к нему только что прикасались губы. На сиденье ближайшего стула лежал тёплый отпечаток — словно кто-то лишь на миг встал и тут же вернулся на своё место в темноте.

Даффи остановился напротив тринадцатого стула — своего. Он чувствовал, как воздух вокруг него становится тяжелее, гуще, будто сама тишина набирала вес. И тогда он услышал это — лёгкий шорох, будто кто-то поправил невидимую салфетку. Потом ещё один звук — тихий звон ложки, едва уловимый, но отчётливый.

Он резко обернулся, но увидел лишь пустые стулья и дрожащий свет фонаря. Оптима стоял у лестницы, не спускаясь ниже, будто чувствовал: здесь нельзя нарушать границы. За его спиной теснились Фаргус, Окси, Сиринити и Прима

— их лица были напряжены, в глазах читался первобытный страх, смешанный с решимостью.

— Даффи, — тихо позвал Оптима, голос звучал непривычно хрипло. — Не трогай ничего. Не садись.

Но Даффи уже не мог не садиться. Он чувствовал, как невидимые взгляды скользят по его плечам, по спине, по затылку, будто пробуя его на вкус. Стол ждал. Правила были просты и безжалостны: пока он сидит — они не едят. Стоит ему встать — и он станет их трапезой.

Фаргус шагнул вперёд, но Оптима удержал его за руку.

— Нельзя нарушать порядок, — прошептал он, не сводя глаз со стола. — Если мы вмешаемся, станет только хуже.

Прима тихо всхлипнула, но тут же закусил губу, стараясь не издавать ни звука. Сиринити крепко сжимала кулаки, её взгляд метался между Даффи и пустыми стульями, будто она пыталась разглядеть то, что оставалось невидимым. Ок-си смотрела на стол так, словно видела больше остальных, — в её глазах застыл ужас понимания.

Даффи медленно опустился на свой стул. Пар над его тарелкой взвился густым облаком, еда снова стала свежей, горячее, манящее. Но теперь он видел: на остальных тарелках тоже поднимался пар — холодный, сизый, будто дыхание из иной стороны мира.

И тогда он понял: они не просто ждали, когда он встанет. Они хотели, чтобы он устал. Чтобы он сдался. Чтобы сам отдал им своё место.

В тишине подпола раздался тихий скрежет — будто кто-то провёл ложкой по краю тарелки там, где никого не было. Даффи сжал кулаки, чувствуя, как холод пробирается под кожу. Он знал: время идёт, и каждый миг, проведённый здесь, делает невидимых гостей чуть реальнее.

Оптима сделал шаг вперёд, его голос прозвучал твёрдо, почти грубо, будто он пытался прогнать тьму одними словами:

— Мы не уйдём. Мы будем стоять здесь, пока ты держишь их на расстоянии. Ты не один, Даффи. Мы с тобой.

Даффи кивнул, не отрывая взгляда от стола. Он не мог позволить себе моргнуть. Не мог позволить себе забыть, что стоит между ними и свободой.

Тени у стульев шевельнулись. Пар над тарелками стал гуще. И где-то в глубине темноты раздался тихий, едва уловимый шёпот — будто двенадцать голосов слились в один: «Садись... останься... будь с нами...»

Глава 4. Фаргус не верит

Фаргус спустился в подпол с ухмылкой, будто шёл разоблачать детскую страшилку. Он нарочно громко топал, нарочно хлопал ладонью по перилам, нарочно ворчал:

— Даффи, ты серьёзно? Стол, пар, невидимые гости... Да ты на этой пыли три дня подряд надышался и теперь видишь призраков!

Даффи сидел на своём стуле, не поднимая глаз, будто бо-

ялся, что одно лишнее движение разрушит хрупкий баланс. Оптима стоял у лестницы, напряжённый, как тетива лука. Окси, Сиринити и Прима жались друг к другу, их лица были белее мела.

Фаргус обошёл стол, демонстративно пнул ножку стула, потом сел на пятый — с размаху, будто хотел доказать: стул обычный, пол твёрдый, мир нормальный.

— Вот! — он хлопнул ладонью по столешнице. — Никакой магии. Просто старый дом, просто сквозняк, просто...

Он не договорил. Пар над тарелками взвился густыми клубами — не только над порцией Даффи, но и вокруг пятого стула. Еда на блюдах потеплела, будто её только что достали из печи. Фаргус уставился на пирог, потом на свою руку, потом снова на пирог.

— Это... это просто тепло от лампы, — пробормотал он, но голос уже звучал неуверенно.

Он рассмеялся — громко, нарочито, чтобы прогнать липкий холод, который вдруг пробрался под куртку. И тут смех оборвался.

Его правая рука лежала на столе, пальцы слегка вцепились в край столешницы. А слева, там, где кончался свет фонаря и начиналась густая, маслянистая темнота, кто-то положил ладонь поверх его руки.

Фаргус не видел её. Но он чувствовал вес. Тёплый, тяжёлый, мёртвый — будто рука была одновременно живой и давно остывшей. Она не сжимала его пальцы, не царапала

кожу, не тянула вниз. Она просто лежала, заявляя своё право на место.

Он замер, даже не моргая. Потом медленно, миллиметр за миллиметром, повернул голову в сторону темноты. Там ничего не было. Ни силуэта, ни движения, ни даже намёка на тень. Только пустота, которая вдруг стала слишком плотной, слишком внимательной.

— Фаргус... — прошептал Оптима, и в этом шёпоте было больше страха, чем в любом крике. — Не двигайся. Не спорь. Просто встань. Медленно.

Но Фаргус не мог встать. Не потому, что не хотел. А потому, что чувствовал: стоит ему пошевелиться — и мёртвая тяжесть на его руке станет хваткой.

Даффи поднял глаза. В них не было ни упрёка, ни злорадства — только усталость и горькое знание.

— Они не любят, когда сомневаются, — тихо сказал он. — Они любят, когда верят. Или когда становятся частью стола.

Фаргус сглотнул. Его пальцы побелели, вцепившись в столешницу. Он хотел закричать, хотел вскочить, хотел броситься вверх по лестнице, но тело будто налилось свинцом.

И тогда из темноты раздался тихий, ровный звук — лёгкий скрежет ложки по фарфору. Будто кто-то, невидимый, уже предвкушал трапезу.

Прима всхлипнула, но тут же зажала рот ладонью. Сиринити шагнула вперёд, но Оптима удержал её, качая головой: нельзя нарушать границу, нельзя лезть в эту тишину.

Окси смотрела на стол так, будто видела то, чего не могли разглядеть остальные. Её губы беззвучно шевелились, будто она шептала какую-то древнюю молитву или заклинание, способное отогнать тьму.

Фаргус медленно, не отрывая взгляда от темноты, поднял свободную руку и коснулся пальцами края своей тарелки. Он не собирался есть. Он просто хотел почувствовать, что ещё может что-то делать, что ещё не стал частью этого проклятого застолья.

В этот момент мёртвая ладонь на его руке чуть шевельнулась — совсем немного, будто проверяя, насколько крепко он держится за реальность.

Оптимист шагнул вниз, на одну ступеньку, потом ещё на одну. Его голос прозвучал твёрдо, как удар молота:

— Фаргус. Смотри на меня. Только на меня. Не на стол. Не на темноту. На меня. Сейчас ты медленно уберёшь руку. Потом так же медленно встанешь. И пойдёшь ко мне. Не оглядываясь.

Фаргус перевёл взгляд на Оптимиста. В его глазах читался первобытный ужас, но в них же была и искра доверия — к тому, кто знал, как вытаскивать друзей из бездны.

Он кивнул. Один раз. Едва заметно.

И начал убирать руку.

Мёртвая ладонь на мгновение усилила давление — будто пыталась удержать его, втянуть в темноту, сделать своим. Фаргус стиснул зубы, чувствуя, как холод пробирается до са-

мых костей.

Потом давление исчезло. Так же внезапно, как появилось. Фаргус вскочил со стула так резко, будто пол под ним вспыхнул. Он рванулся к лестнице, не разбирая ступеней, не глядя ни на что, кроме лица Оптима. Оптима поймал его, прижал к себе, заслоня собой от подпола, от стола, от двенадцати невидимых гостей, которые теперь шептались в темноте, разочарованно и зло.

Пар над тарелками стал сизым, холодным, будто выдох самой смерти. Тени у стульев зашевелились, сплетаясь в плотные, уродливые силуэты.

Даффи остался сидеть. Он знал: пока он на своём месте, они не тронут остальных.

— Прости, — прошептал Фаргус, уткнувшись в плечо Оптима, его голос дрожал. — Я не верил... Я не понимал...

Оптиме молча прижал его крепче.

— Теперь понимаешь, — тихо ответил он. — Теперь мы все понимаем. И теперь будем держаться вместе. Потому что поодиночке этот дом нас сожрёт.

Глава 5. Мужик Оптима и книга рецептов

Чердак дышал пылью и тишиной, которая казалась слишком густой, будто осела здесь слоями за десятки лет. Оптима шагал осторожно, проверяя каждую доску — не потому что боялся провалиться, а потому что чувствовал: дом слушает. Дом ждёт.

Он искал хоть что-то, что объяснило бы этот проклятый стол в подполе, эти двенадцать невидимых гостей, этот пар, который жил своей жизнью. В углу, под ворохом старых тряпок, он заметил сундук. Замок был сломан, крышка приоткрыта, будто кто-то уже заглядывал внутрь и тут же отпрянул.

Оптимист поднял крышку. Внутри лежала книга. Не толстая, не нарядная — потёртая, с обложкой из тёмной кожи, на которой не осталось ни названия, ни узора. Только глубокая вмятина посередине, похожая на отпечаток чьих-то холодных пальцев.

Он достал её, стёр пыль рукавом и открыл первую страницу. Это не была поваренная книга, как он сперва подумал, глядя на аккуратные строки. Это была похоронная. Тринадцать имён, тринадцать дат, тринадцать коротких строк — и все они заканчивались одинаково: «Кто сядет — накормит. Кто встанет — станет кормом».

Оптимист листал страницы, чувствуя, как по спине ползёт ледяной озноб. Имена были разными, но даты — слишком близкими друг к другу. Будто кто-то собирал их, как урожай.

На последней странице не было ни имени, ни даты. Только чистая, чуть пожелтевшая бумага, будто специально оставленная для нового гостя. Четырнадцатого имени. Или тринадцатого — если считать, что Даффи уже записан в эту проклятую череду.

Оптимист замер, вглядываясь в пустую строку. Ему пока-

залось, что чернила на соседних страницах чуть потемнели, будто книга пыталась дотянуться до этого чистого листа, заполнить его прямо сейчас, пока он смотрит.

Снизу, из подпола, донёсся тихий, едва уловимый звук — скрежет ложки по фарфору. И тут же в тишине чердака что-то щёлкнуло, словно замок на сундуке сам собой встал на место. Оптима резко обернулся, но позади была только темнота, густая и внимательная.

Он сжал книгу в руках и поспешил вниз. На лестнице его встретили встревоженные лица: Фаргус, Окси, Сиринити, Прима. Все они смотрели на него с надеждой, будто он принёс не старую книгу, а ключ от всех дверей.

— Что там? — выдохнул Фаргус, голос дрожал ещё после пережитого в подполе.

Оптима не сразу ответил. Он перевёл взгляд на подпол, откуда тянуло холодом и сладковатым запахом, который уже начинал казаться знакомым — слишком знакомым.

— Это не про еду, — наконец сказал он, и его голос прозвучал непривычно глухо, будто слова давались с трудом. — Это про сделку. Про долг. Про то, что стол не просто ждёт, когда кто-то встанет. Он ждёт, когда кто-то поверит, что сможет уйти.

Прима прижала ладони к лицу, будто пыталась удержать слёзы. Сиринити шагнула ближе к Окси, ища опоры. Окси смотрела на книгу так, словно могла прочесть между строк то, чего там не было написано.

— А Даффи? — тихо спросила она.

Оптима медленно кивнул, сжимая книгу так крепко, что кожа на обложке чуть хрустнула.

— Даффи уже в этой книге. Может, не по имени, но по сути. Он сидит, чтобы они не ели. Но рано или поздно он устанет. И тогда...

Он не договорил. Не нужно было договаривать. Все и так поняли.

Фаргус сжал кулаки, его лицо исказилось от смеси страха и ярости.

— Значит, мы не дадим ему устать, — резко сказал он. — Мы придумаем, как вытащить его. Как сломать этот стол. Как стереть эти имена.

Оптима посмотрел на друзей — на их решимость, на их страх, на то, как они держались друг за друга, будто это была единственная защита от тьмы, что ждала внизу.

— Сначала надо понять правила, — проговорил он, открывая книгу снова, на той самой пустой странице. — Потому что, если мы ошибёмся, следующим именем будет кто-то из нас.

И в этот момент из подпола раздался тихий, ровный шёпот — будто двенадцать голосов слились в один и прошептали: «Садись... останься... будь с нами...»

Оптима захлопнул книгу. Его взгляд стал твёрдым, почти стальным.

— Мы не сядем, — сказал он, глядя прямо в темноту лест-

ницы. — И мы не станем их ужином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.